

УДК 327.39

ПРЕДПОСЫЛКИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Пашковский П. И.

На основе анализа исторического опыта рассмотрены предпосылки российского парламентаризма в контексте их влияния на внешнюю политику государства в период X–XIX вв. Приведены мнения исследователей. Показаны примеры и механизмы участия в государственной внешнеполитической жизни первых органов народного представительства и сословно-представительных институтов: вече, Боярской думы, Земского собора, Сената, Уложенной комиссии, Государственного совета. Действовавшие в X–XIV вв. веча – народные собрания, в которых принимали участие все свободные жители мужского пола, главы семей и владельцы дворов – оказывали значительное воздействие на внешнюю политику русских княжеств. Боярские думы являлись постоянными сословно-представительными органами аристократии при великом князе (позже – царе), имевшие и внешнеполитические полномочия. Появившиеся в середине XVI в. Земские соборы – высшие государственные сословно-представительные учреждения – не имели законодательно закрепленных функций и собирались по инициативе царя для рассмотрения общегосударственных дел. Они решали и вопросы объявления войны, заключения мира, отношений с другими государствами. В начале XVIII в. был образован Сенат – законосовещательный орган и судебно-апелляционная инстанция – ответственный перед монархом, члены которого им же и назначались. Этот институт не имел постоянных прав, а лишь временный круг поручений. При этом министры, курирующие войско, флот и иностранные дела, осуществляли свои полномочия независимо от Сената, обращаясь в него с указами от имени «царского величества». Собиравшиеся для кодификации законов в XVIII в. Уложенные комиссии придавали российскому абсолютизму видимость сословно-представительной монархии. Однако основные направления внешней политики государства в этот период продолжали находиться в ведомстве монарха. В начале XIX в. учреждается Государственный совет – высший законосовещательный орган, к полномочиям которого относилось и рассмотрение внешнеполитических вопросов. Но ключевая роль в формировании внешнеполитического курса империи в XIX – начале XX вв. по-прежнему принадлежала царю и его ближайшему окружению. Обосновано, что на протяжении рассматриваемого периода общей тенденцией функционирования

Российского государства являлось то, что вопросы обороны и иностранных дел замыкались не на формальном главе исполнительной власти, а преимущественно на верховном руководителе. Именно в его окружении, куда входили наиболее влиятельные деятели своего времени, и с учетом их подчас определяющего воздействия, принимались конкретные внешнеполитические решения.

Ключевые слова: предпосылки парламентаризма, Россия, внешняя политика, государство, международные отношения.

Умение делать выводы из опыта прошлого, находя им практическое применение, является одним из ключевых залогов успешного функционирования внешнеполитического механизма любой страны. В этом отношении **актуальность** изучения специфики воздействия ранних форм отечественного парламентаризма на внешнюю политику нашего государства проявляется в возможности определить внутренние факторы принятия внешнеполитических решений, выяснив роль конкретных социальных групп и отдельных личностей в контексте исторической эволюции многогранного и противоречивого внешнеполитического процесса [16; 17].

Исследование различных аспектов функционирования российского парламентаризма располагает обширной отечественной и зарубежной историографией. Зачастую выделяется четыре этапа его становления в России: исторические истоки и предпосылки парламентаризма (X–XIX вв.); первый парламентский опыт (1905–1917 гг.); советская представительная и законодательная система власти (1917–1991 гг., иногда хронология данного этапа продлевается до 1993 г. – принятия Конституции РФ); формирование и развитие современной парламентской системы (1991/1993 г. – настоящее время) [4, с. 51–71; 6, с. 58–106]. При этом вопросы его значения во внешнеполитическом механизме государства, особенно на начальных этапах, находили преимущественно ситуативное освещение. Подобное было связано как с исторической отдаленностью рассматриваемых событий, так и в целом с особенностями анализа механизма формирования внешней политики, сравниваемого исследователями с «черным ящиком», на входе в который все и вся, а на выходе – собственно внешнеполитические действия» [22, с. 102–103]. Прояснение обозначенных сюжетов определяет **научную новизну** данной статьи, **целью** которой является обзорное рассмотрение влияния предпосылок отечественного парламентаризма на внешнюю политику государства в период X–XIX вв.

Традиционно первой формой проявления народовластия на Руси X–XII вв. считается вече – своего рода народное собрание, в котором якобы участвовали все свободные жители. Их волеизъявление имело большое значение при формировании политики великого князя и его вассалов, стоящих во главе отдельных княжеств [9, т. 1, с. 118]. Первое упоминание о вече встречается в Белгородских летописях, датируясь 997 г. [4, с. 53]. Дискуссионными остаются вопросы относительно социального состава и роли данных органов. Исследователи видят в вече и институт прямой демократии, и, одновременно, источник легитимности княжеской власти.

Существует также мнение, что, несмотря на необходимость считаться с позицией веча, полномочия князя мало чем отличались от западноевропейских королей. Одни ученые считают вече народным собранием, другие – олигархическим. Неоспоримым представляется лишь существование данного института и того факта, что он являлся ограничителем единоличной власти князя [14, с. 87].

Вечу принято приписывать обладание правом законодательной инициативой и полномочиями в решении вопросов внешней политики [6, с. 59–60], в частности правами заключать мирные договоры. Решения здесь принимались по принципу большинства голосов присутствующих [4, с. 53]. Поэтому можно согласиться с утверждением В. Никонова о том, что «в лице веча мы имеем дело с институтом представительства. Даже само происхождение этого понятия от слова “вещать” не отличает его от латинского “parlamentum”» [14, с. 87].

Вершиной вечевого строя на Руси считаются Новгородская и Псковская республики. Высшим представительным органом здесь было собрание полноправных жителей мужского пола, а принцип волеизъявления стал основным в системе правления [25]. По происхождению вече в Пскове и Новгороде являлось городским собранием, похожим на существовавшие в других русских городах X–XII вв. Оно созывалось не периодически, а в случае необходимости. Чаще всего во время войн, восстаний и призыва князей [6, с. 60–61].

На новгородском вече решались важнейшие вопросы политической жизни республики [19, с. 46–47]. Вече ведало и сферой внешней политики, принимая решения о сборе войска, постройке крепостей, объявляя войну и заключая мир, составляя и заключая торговые договора с иноземными государствами [21, с. 77].

Что касается Псковской республики, то здесь вече являлось верховным органом, решающим важнейшие дела государства, в том числе внешнеполитические: приглашало князей, объявляло войну, утверждало мирные договора, принимало и отправляло послов [20]. На вече могли приходиться все свободные взрослые мужчины, главы семей и владельцы дворов в Пскове, однако господствовали здесь, как и в новгородском случае, бояре [6, с. 64].

К концу XIV в., в связи с установлением монгольского владычества и укреплением власти насаждаемых «сверху» князей, веча на Руси фактически исчезают [25]. Последние вечевые республики были ликвидированы сразу после присоединения к освобождавшемуся от монгольского ига Московскому государству: в 1478 г. – в Великом Новгороде и в 1510 г. – в Пскове. Но остатки вечевого строя выжили в западнорусских землях, входивших в Великое княжество Литовское, где трансформировались в институт сейма [14, с. 103]. На остальной же территории на смену вече приходят Боярские думы и Земские соборы. Статус Боярской думы – постоянного сословно-представительного органа аристократии при великом князе (с 1547 г. – при царе) – был оговорен в Судебниках 1497 и 1550 гг., а окончательно – в Соборном уложении 1649 г. [4, с. 53]. В XV в. понятие «боярин» превратилось в титул и думный чин, которыми великий князь наделял немногих избранных советников. С этого времени Боярская дума приобрела постоянный состав. «Верховная власть ограничена была, согласно традиции (обычаю), – отмечал С. Шмидт, – в выборе постоянных высших советников и в

какой-то мере разделялась (даже в годы безудержного самовластия Ивана Грозного) между монархом и наследственной аристократией, сословно-представительным органом которой была Боярская дума» [26, с. 94]. При этом право назначать «думных людей» принадлежало исключительно государю, а законы издавались от его имени. Но осуществляла себя верховная власть именно через Боярскую думу и подчиненные ей центральные правительственные учреждения. Со временем рядом с боярами появились низшие думные чины – окольничие. Однако претендовать на боярство могли выходцы из княжеских фамилий, нетитулованная знать обычно начинала службу в чине окольничих [14, с. 97].

В XVI в. Боярская дума обладала управленческими функциями через систему временных боярских комиссий. Секретные дела решались Ближней думой, состоящей, как правило, из четырех бояр [9, т. 1, с. 469]. Боярская дума в этот период располагала многочисленными полномочиями, в числе которых были и вопросы внешней политики, «приговоры» относительно войны и мира [6, с. 65–66]. Исторические источники показывают, что с участием думы проходило обсуждение наиболее важных внешнеполитических вопросов. Для переговоров с прибывшими в страну дипломатами обязательно приглашались члены думы, от имени бояр и царя отправлялись грамоты польским панам. В частности, имеются свидетельства того, что Иван III (1462–1505) как-то отказался беседовать с послами один на один без бояр. Среди документов встречаются боярские приговоры об отправлении посольств к иноземным государям. Дума участвовала в обсуждении вопросов войны и мира с Польшей. Представляется, что прежде чем принять решение в сфере внешней политики, государь передавал рассмотрение этих дел боярам и «думным людям». Боярская дума составляла и отправляла дипломатические грамоты различным государствам, заслушивала посольские отписки, участвовала в слушании посольских дел. В этом, по мнению Т. Перевезенцевой, можно усмотреть «ростки участия представительного собрания во внешнеполитической жизни государства» [18, с. 66].

В Смутное время (1598–1613 гг.) Боярская дума играла ключевую роль во всех событиях государственного значения, обеспечивая необходимую видимость легитимности власти. Известен случай, когда, заняв московский трон, Лжедмитрий I (1605–1606), пытаясь выполнить свои обещания польскому королю, приказал готовить войска для похода против шведов. Боярская дума, не желая допустить нарушения «вечного мира» со Швецией, решительно воспротивилась попыткам резко изменить внешнеполитическую ориентацию. Самозванец должен был подчиниться ее воле, поскольку в это время Боярская дума прочно удерживала в своих руках бразды правления государством [23, с. 366–386].

С ростом абсолютистских тенденций во второй половине XVII в. значение Боярской думы слабеет. В начале правления Петра I (1682–1725) число заседаний думы резко сокращается, постепенно уменьшается ее количественный состав. Последнее упоминание о заседаниях Боярской думы датируется 1700 г. [4, с. 54].

Появление Земских соборов – высших сословно-представительных учреждений – относится к середине XVI в. [6, с. 67] и связано с завершением складывания Русского централизованного государства, ростом политического

значения дворянства и отчасти верхов посада. В состав Земских соборов входили Боярские думы, члены Освященного собора (высшее духовенство во главе с митрополитом, с 1589 г. – патриархом), представители сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения. Земские соборы собирались по инициативе царя для решения общегосударственных («земских») проблем [4, с. 54], среди которых были и внешнеполитические. Так, в годы правления Михаила Федоровича (1613–1645) на Земских соборах решались вопросы об отправке войск против И. Заруцкого, вольных казаков, поляков и шведов, об условиях заключения мирных договоров с соседними державами [9, т. 1, с. 468].

Полномочия, прерогативы Земских соборов и правила представительства на них никогда не были законодательно закреплены. Как уже отмечалось, они созывались царем (исключая период Смуты, когда это делал патриарх или Боярская дума) в определенном им составе и для рассмотрения предложенных им вопросов. По мнению исследователей, соборы являлись органами как сословного, так и провинциального представительства. Роль Земского собора в российской политике была колоссальной. С учетом его мнения решались вопросы войны и мира, а также избрания царя [14, с. 108–109].

Во второй половине XVII в. значение Земских соборов начинает падать. В правление Алексея Михайловича (1645–1676) происходит постепенный переход от сословно-представительной монархии к абсолютной [6, с. 68]. Последний (в прежних условиях) Земский собор был созван в 1683–1684 гг. по поводу заключения «вечного мира» с Польшей. Однако поскольку русско-польские переговоры не увенчались успехом, собор был распущен, так и не приступив к работе [4, с. 54]. Исторически последний Земский собор состоялся в период гражданской войны летом 1922 г. во Владивостоке, но, в силу понятных причин, практического значения он уже не имел [14, с. 109].

Результатами преобразований Петра I стали роспуск Боярской думы и создание Боярской комиссии, бывшей не более чем личной канцелярией царя. Затем в 1711 г. был образован Сенат, ставший законосовещательным органом и судебно-апелляционной инстанцией [7, с. 675]. Если членов думы назначали по «породе», то сенаторами становились по воле царя и служебным заслугам, т. е. сенатор – это должность, которую можно было потерять, что многократно увеличивало их зависимость от монарха [6, с. 68].

Сенату не были определены постоянные права, а лишь временный круг поручений. Исследователь М. Владимирский-Буданов справедливо подчеркивал, что «ни в одном роде дел Сенат не мог проявить самостоятельности: существенной задачей его была администрация, но верховные господа – министры (управляющий войском, флотом и иностранными делами) – распоряжались сами, обращаясь в Сенат с “указами” именем царского величества... Во всяком случае Сенату принадлежала тогда вся исполнительная власть» [3, с. 255].

Вначале в Сенат входило 9 сенаторов и обер-секретарь. С 1722 г. этот институт приобрел права надзора за коллегиями и принятия законов в отсутствие царя, став высшим органом законодательства и управления. При этом он получил отдельный от коллегий состав, но «силовики» – президенты Военной, Адмиралтейской,

Иностраннных дел и Берг-коллегий – остались его членами, поэтому Сенат мог надзирать лишь за остальными и осуществлять функции финансового контроля. Но, как ни велика была компетенция Сената, он был органом, который исполнял волю и предназначения монарха. С учреждением Сената не была заполнена пустота, образовавшаяся около русского государя с исчезновением Боярской думы и т. н. Ближней думы, с которой царь советовался в особо важных случаях. Со временем, после создания министерств в 1802 г., Сенат превратился в орган суда и надзора [7, с. 675].

В XVIII в. для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г., созывались временные коллегиальные органы – Уложенные комиссии [8, с. 430]. По инициативе Екатерины II (1762–1796) в 1767 г. была образована Комиссия по составлению нового уложения (Уложенная комиссия), которую ряд исследователей рассматривают в качестве прообраза российского парламента [6, с. 69]. В Уложенной комиссии работали 572 депутата, представляющие дворян, горожан, казачество, государственных крестьян. Также в ее состав входило по одному депутату от Сената, Синода, от каждой коллегии. Крепостные и посессионные крестьяне в работе данного органа участия не принимали. Подготовительная работа была сосредоточена в частных комиссиях. Противоречия в деятельности комиссии и постановка острых вопросов вызвали недовольство императрицы. В январе 1769 г. общее собрание было распущено, но члены комиссии работали вплоть до 1773 г. [4, с. 56].

Хотя комиссия и прекратила свою деятельность под предлогом войны с Турцией – поскольку многие депутаты стояли на службе в армии, – истинную причину этого некоторые исследователи, в частности Дж. Хоскинг, усматривают в разочаровании Екатерины II отсутствием понимания членами комиссии нужд общества, и их неготовностью наложить на себя какие-то ограничения ради общего блага [24, с. 114]. Работа комиссии подтверждала мысль Р. Пайпса о том, что в этот период «ни одна из социальных групп в России не была заинтересована в либерализации: она означала бы утрату привилегий для элиты и разбила бы надежды крестьянской массы на всероссийский “черный предел”» [15, с. 327].

К концу XVIII в. в России сложилась система, при которой корпоративные институты и гражданские права местной аристократии выглядели слабее, чем в большинстве европейских государств. Царь, имея широкие полномочия, мог править в провинциях только при посредничестве класса помещиков, которых Павел I (1796–1801) справедливо называл государственными сборщиками налогов и рекрутскими агентствами в деревне. Аристократические группировки при дворе боролись за власть и зависящие от нее материальные блага, создавая фракции и контролируя ключевые посты на государственной службе. Монарх, позволявший себе пренебрегать интересами и настроениями аристократии, мог, по мнению исследователей, поплатиться за это жизнью [11, с. 395]. Справедливость данного утверждения подтвердил итог царствования Павла I.

Годы правления Александра I (1801–1825) некоторые ученые характеризуют как период правительственного конституционализма. Подобное заключение имеет основания. В частности, по поручению императора М. Сперанским и его

соратниками был разработан проект, учитывающий концепцию деятельности наиболее развитых парламентов Европы. В этом проекте впервые появились названия «Государственная Дума» и «Государственный Совет» [6, с. 71]. Однако на практике царь ограничился созданием высшего законосовещательного органа – Государственного совета, учрежденного 1 января 1810 г., в число полномочий которого входило и рассмотрение вопросов внешней политики в чрезвычайных обстоятельствах. В 1810–1906 гг. Государственный совет состоял из лиц, назначаемых и увольняемых императором. Членом совета могло стать любое лицо без ограничения в возрасте, образовании, чине и сословии, но в реальности абсолютное большинство мест в нем занимали дворяне. По должности в его состав входили министры. Председатель и вице-председатель Госсовета ежегодно назначался императором. В 1812–1865 гг. председатель Государственного совета одновременно возглавлял Комитет министров. Первоначально насчитывалось 35 членов Госсовета, однако в начале XX в. их число достигло 90 [5, с. 278].

Что касается процедуры принятия решений Государственным советом, то исследователи акцентируют, что в период правления Александра I законопроекты вносились в него министрами по предварительному согласию императора. «По всем вопросам, – продолжает В. Никонов, – Совет выносил свое заключение как мнение большинства, к которому прикладывалось и мнение меньшинства. За любым законопроектом стояла большая аппаратная – юридическая и аналитическая – работа. Обычно, но не всегда, глава государства, за которым оставалось последнее слово, соглашался с большинством» [14, с. 121].

Время правления Александра II (1855–1881) знаменуется «эпохой Великих реформ», среди которых особое значение в аспекте исследования предпосылок парламентских институтов имеют крестьянская (отмена крепостного права в 1861 г.) и земская (введение в 1864 г. нового института местного самоуправления – земств) реформы. Первая обусловила существенное расширение электорального корпуса, вторая – необходимость проведения выборов в земские учреждения [13, с. 32]. В 1870 г. формируются городские сословные представительные учреждения – органы городского самоуправления, которые, как и земства, обладали законосовещательным правом. Таким образом, как полагают исследователи, в этих выборных учреждениях стали зарождаться ростки парламентаризма [1]. Стоит также упомянуть, что в этот период появляются проекты реформирования Государственного совета, принадлежащие государственным деятелям П. Валуеву, М. Лорис-Меликову, и – в первый год правления Александра III – проект Н. Игнатьева о создании сословно-представительного органа наподобие Земского собора. Однако они остаются нереализованными [2; 10; 12].

Обзорный анализ российского опыта участия ранних форм парламентаризма во внешнеполитической жизни государства позволяет сделать следующие выводы.

Действовавшие в X–XIV вв. на Руси веча, будучи народными собраниями, в которых принимали участие все свободные жители мужского пола, главы семей и владельцы дворов, оказывали значительное воздействие на внешнюю политику русских княжеств. Веча собирались в случае необходимости, как правило, с целью решения особо важных государственных вопросов. Во внешнеполитической сфере к

такovým относились: приглашение князей, объявление войны, заключение мира, постройка крепостей, принятие и отправление послов и т. д. Принимая решения по принципу большинства голосов, судя по всему, основное влияние в подобных собраниях имели бояре. Указанные обстоятельства свидетельствуют в пользу утверждения о том, что данный институт выступал своеобразным ограничителем единоличной княжеской власти.

К концу XIV в. под влиянием процессов, связанных с установлением на Руси монгольского владычества и укреплением насаждаемой «сверху» власти, на смену вече приходят Боярские думы и Земские соборы.

Боярские думы являлись постоянными сословно-представительными органами аристократии при великом князе (позже – царе), в состав которых входило около 30–40 человек, не только бояр, но и окольных, думных дворян и дьяков. Состав думы, в сущности, ограничивающей верховную власть, назначался исключительно государем, осуществлявшим руководство через данный сословно-представительный институт и подчиненные ему центральные правительственные учреждения. Управленческие функции дума реализовывала посредством системы временных боярских комиссий. Для решения секретных дел созывалась Ближняя дума, состоящая из четырех бояр. Среди многочисленных полномочий Боярской думы значились и внешнеполитические: участие вместе с государем в обсуждении наиболее важных вопросов внешней политики; объявление войны и заключение мира; составление и отправление дипломатических грамот; заслушивание посольских дел; решения относительно отправления посольств в другие страны. Известны случаи, когда в XVI в. от имени бояр и царя составлялись внешнеполитические документы. В период Смутного времени Боярская дума играла ключевую роль во всех вопросах государственного значения, в том числе внешнеполитических.

Появившиеся в середине XVI в. Земские соборы – высшие государственные сословно-представительные учреждения – включали в свой состав Боярские думы, членов Освященного собора, представителей сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения. Не имея законодательно закрепленных полномочий и собираясь по инициативе царя для рассмотрения общегосударственных дел, Земские соборы решали и вопросы объявления войны, заключения мира, отношений с другими государствами. Но в условиях перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной во второй половине XVII в. значение данных институтов начинает уменьшаться.

В результате петровских реформ, знаменовавших рост абсолютистских тенденций, в начале XVIII в. был образован Сенат – законосовещательный орган и судебно-апелляционная инстанция – ответственный перед монархом, члены которого им же и назначались. Этот институт не имел постоянных прав, а лишь временный круг поручений. При этом министры, курирующие войско, флот и иностранные дела, осуществляли свои полномочия независимо от Сената, обращаясь в него с указами от имени «царского величества». В дальнейшем Сенат приобрел права надзора за коллегиями и принятия законов в отсутствие монарха. Однако, как бы ни были велики компетенции данного органа, он всегда исполнял

волю царя, так и не заняв место, ставшее вакантным после исчезновения Боярской думы.

Собиравшиеся для кодификации законов в XVIII в. Уложенные комиссии придавали российскому абсолютизму видимость сословно-представительной монархии. Наиболее значимая и масштабная Уложенная комиссия, действовавшая в 1767–1769 гг. по инициативе Екатерины II с целью составления нового свода законов, состояла из 572 депутатов, представляющих дворян, горожан, казачество, государственных крестьян, Сенат, Синод и каждую коллегию. Будучи вскоре распущенной, комиссия не оправдала надежд императрицы, в ведомстве которой в этот период находились и основные направления внешней политики государства.

В начале XIX в. Александром I учреждается Государственный совет – высший законосовещательный орган, к полномочиям которого относилось и рассмотрение внешнеполитических вопросов. С 1810 по 1906 годы в состав этого института входили лица, назначаемые и увольняемые императором, по согласию которого министрами в него вносились законопроекты. Решения, принимаемые большинством голосов, преимущественно (но не всегда) поддерживались монархом, за которым оставалось последнее слово. Крестьянская (1861 г.) и земская (1864 г.) реформы в годы правления Александра II обусловили существенное увеличение электоральной базы и необходимость проведения выборов в земские учреждения. Формирующиеся органы городского самоуправления в 1870 г., как и земства, наделяются законосовещательным правом. Появляющиеся проекты реформирования Государственного совета, принадлежащие известным государственным деятелям, остаются нереализованными. Ключевая роль в формировании внешнеполитического курса империи по-прежнему принадлежала монарху и его ближайшему окружению.

Примечательно, что на протяжении всего рассматриваемого периода общей тенденцией функционирования Российского государства являлось то, что вопросы внешней политики замыкались преимущественно на верховном руководителе, а не на формальном главе исполнительной власти. Именно монарх и его ближайшее окружение принимали окончательные внешнеполитические решения.

Список литературы

1. Баранова Е. А. Земская реформа и становление парламентаризма в России / Е. А. Баранова // 150-летие принятия земской и судебной реформ Александра II: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: УЮИ МВД России, 2014. – С. 144–148.
2. Валуев П. А. Записка / П. А. Валуев // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авторы-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 420–423.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
4. Гайсин У. Б. Основные этапы становления и развития парламентаризма в России / У. Б. Гайсин, М. А. Филимонов, Т. С. Конюков // Парламентаризм в России: история и современность: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: Сб. ст. – Уфа: УГАТУ, 2015. – С. 51–81.
5. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. – Кн. 1 (А–Г). – М.: Наука, 1996. – 336 с.

6. Еременко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты / В. И. Еременко. – СПб.: Издательство политехнического университета, 2013. – 166 с.
 7. Исторический энциклопедический словарь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 928 с.
 8. История Отечества: Энциклопедический словарь / Сост.: Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, Е. И. Куксина и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 656 с.
 9. История России: В 2 т. – Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2009. – 943 с.; Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2009. – 862 с.
 10. Кретов Б. И. Парламентаризм в России: история и современность: Учеб. пособие / Б. И. Кретов. – М.: МИИТ, 2001. – 96 с.
 11. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен; Пер. с англ. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
 12. Лорис-Меликов М. Т. Всеподданнейший доклад 28 января 1881 г. / М. Т. Лорис-Меликов // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авторы-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 466–467.
 13. Любимов А. П. Парламентское право России: Учебное пособие / А. П. Любимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Маркетинг, 2002. – 368 с.
 14. Никонов В. А. Российская матрица / В. А. Никонов. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. – 992 с.
 15. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс; Пер. с англ. – М.: Захаров, 2004. – 496 с.
 16. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.) / П. И. Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.
 17. Пашковский П. И. К вопросу о факторах принятия внешнеполитических решений / П. И. Пашковский // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы XI Международной научно-практической конференции (29 сентября 2015 г.). – СПб.: Стратегия будущего, 2015. – № 11-3. – С. 88–90.
 18. Перевезенцева Т. В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны / Т. В. Перевезенцева // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы заседания «круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е. Е. Рябцева. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – С. 65–69.
 19. Политическая история России: Учебное пособие / Отв. ред. проф. В. В. Журавлев. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.
 20. Псковский край в истории России. – Псков: ПОИПКРО, 1994. – 400 с.
 21. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории / С. Г. Пушкарев. – Ставрополь: Кавказский край, 1993. – 416 с.
 22. Салмин А. М. Изнанка внешней политики / А. М. Салмин // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. – М.: Летний сад, 2001. – С. 102–210.
 23. Скрынников Р. Борис Годунов / Р. Скрынников. – М.: АСТ, 2003. – 416 с.
 24. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Дж. Хоскинг; Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
 25. Чурбанов В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной думы / В. Чурбанов // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 22. – С. 47–53.
 26. Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М.: Наука, 1984. – 277 с.
- Pashkovsky P. I. Prerequisites of the Russian Parliamentarism and Foreign Policy of the State // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 59–70.**

Based on the analysis of the historical experience, prerequisites of the Russian parliamentarism in the context of their impact on the foreign policy of the state during the X-XIX centuries have been considered. Approaches of researchers have been offered. Examples of mechanisms of participation of the first organs of popular representation and estate-representative institutions (veche, Boyar Duma, Zemsky Sobor,

Senate, Legislative Commission, and Council of State) in the state's foreign policy life have been shown. Veches, that operated in the X – XIV centuries, were the People's Assembly, that were attended by all the free people of the male, head of the family and the owners of households, and which had a significant impact on the foreign policy of the Russian principalities. Boyar Duma were constant class-representative bodies of the aristocracy under the Grand Prince (later – the king), and had foreign policy powers. Zemsky Sobors, which emerged in the middle of the XVI century – the highest state of caste-representative institutions – didn't have the features that have been fixed by law, and were going by the king's initiative to consider of state's affairs. This institution solved and issues declaration of war, conclusion of peace, relations with other states. At the beginning of the XVIII century, the Senate was formed – the legislative, deliberative body and judicial-appellate instance – responsible to the monarch, whose members were appointed by him. This institution didn't have the permanent rights but only temporary terms of reference. The ministers, who supervised the army, fleet and foreign affairs, to exercise their powers independently of the Senate, and appealed into him with the decrees on behalf of «His Majesty». Legislative Commissions, which assembled for the codification of the laws in the XVIII century, gave to the Russian absolutism the appearance of estate-representative monarchy. However, the main directions of foreign policy of the state in this period continued to be in the office of the monarch. It is proved that during the period under review, the general trend of the functioning of the Russian state was the fact that the issues of defense and foreign affairs became isolated not on the formal head of the executive power, but, mainly, to the supreme leader. Exactly in his entourage, which included the most influential figures of his time, given their often determines the impact, specific foreign policy decisions were made.

Keywords: prerequisites of parliamentarism, Russia, foreign policy, state, international relations.

References

1. Baranova Y. A. Zemskaya reforma i stanovleniye parlamentarizma v Rossii / Y. A. Baranova // 150-letniye prinyatiye zemskoy i sudebnoy reform Aleksandra II: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Ufa: UYUI MVD Rossii, 2014. – S. 144–148.
2. Valuyev P. A. Zapiska / P. A. Valuyev // Konstitutsionalizm: istoricheskiy put' Rossii k liberal'noy demokratii: Sb. dokumentov / sost-Avtory.: A. V. Gogolevskiy, B. N. Kovalov. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2000. – S. 420–423.
3. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava / M. F. Vladimirskiy-Budanov. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1995. – 640 s.
4. Gaysin U. B. Osnovnyye etapy stanovleniya i razvitiya parlamentarizma v Rossii / U. B. Gaysin, M. A. Filimonov, T. S. Konyukov // Parlamentarizm v Rossii: istoriya i sovremennost': Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiyem: Sb. st. – Ufa: UGATU, 2015. – S. 51–81.
5. Gosudarstvennost' Rossii (konets XV v – fevral 1917 g.): Slovar-spravochnik. – Kn. 1 (A – G). – M.: Nauka, 1996. – 336 s.
6. Yeromenko V. I. Rossiyskiy parlamentarizm: politologicheskiye, pravovyye i sotsial'no-kul'turnyye aspekty / V. I. Yeromenko. – SPb.: Izdatel'stvo politekhnicheskogo universiteta, 2013. – 166 s.
7. Istoricheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. – M.: OLMA Media Grupp, 2010. – 928 s.
8. Istoriya Otechestva: Entsiklopedicheskiy slovar' / Sost.: B. YU. Ivanov, V. M. Karev, Ye. I. Kuksina i dr. – M.: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1999. – 656 s.
9. Istoriya Rossii: V 2 t. – T. 1: S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka / A. N. Sakharov, L. Ye. Morozova, M. A. Rakhmatullin i dr. / Pod red. A. N. Sakharova. – M.: AST: Yermak: Astrel', 2003. – 943 s.; T. 2: S nachala XIX veka do nachala XXI veka / A. N. Sakharov, L. Ye. Morozova, M. A. Rakhmatullin i dr. / Pod red. A. N. Sakharova. – M.: AST: Yermak: Astrel', 2003. – 862 s.
10. Kretoy B. I. Parlamentarizm v Rossii: istoriya i sovremennost': Uchebnoye posobiye / B. I. Kretoy. – M.: MIIT, 2001. – 96 s.
11. Liven D. Rossiyskaya imperiya i yeye vragi s XVI veka do nashikh dney / D. Liven; Per. s angl. – M.: Yevropa, 2007. – 688 s.
12. Loris-Melikov M. T. Vsepoddanneyshiy 28 yanvarya doklad 1881 g. / M. T. Loris-Melikov // Konstitutsionalizm: istoricheskiy put' Rossii k liberal'noy demokratii: Sb. dokumentov / sost-Avtory.: A. V. Gogolevskiy, B. N. Kovalov. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2000. – S. 466–467.

13. Lyubimov A. P. *Parlamentskoye pravo Rossii: Uchebnoye posobiye* / A. P. Lyubimov. – 3-ye izd., Pererab. i dop. – M.: Marketing, 2002. – 368 s.
14. Nikonov V. A. *Rossiyskaya matritsa* / V. A. Nikonov. – M.: OOO «Russkoye slovo – uchebnik», 2014. – 992 s.
15. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* / R. Payps; Per. s angl. – M.: Zakharov, 2004. – 496 s.
16. Pashkovskiy P. I. *Integratsionnaya politika Rossii na postsovetском prostranstve (1991 – 2011 gg)* / P. I. Pashkovskiy. – Kiyev: Interservis, 2012. – 189 s.
17. Pashkovskiy P. I. *K voprosu o faktorakh prinyatiya vneshnepoliticheskikh resheniy* / P. I. Pashkovskiy // *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya v sovremennom mire. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (29 sentyabrya 2015 g.)*. – SPb.: Strategiya budushchego, 2015. – № 11-3. – S. 88–90.
18. Perevezentseva T. V. *Uchastiye Gosudarstvennoy Dumy v osushchestvlenii vneshney politiki strany* / T. V. Perevezentseva // *Rossiyskiy parlamentarizm: istoriya i sovremennost': Materialy zasedaniya «kruglogo stola» (Astrakhan', 8 iyunya 2007 g.)* / *Otv. red. Ye. Ye. Ryabtseva*. – Astrakhan': ID «Astrakhanskiy universitet», 2007. – S. 65–69.
19. *Politicheskaya istoriya Rossii: Uchebnoye posobiye* / *Otv. red. prof. V.V. Zhuravlov*. – M.: Yurist, 1998. – 696 s.
20. *Pskovskiy kray v istorii Rossii*. – Pskov: POIPKRO, 1994. – 400 s.
21. Pushkarov S. G. *Obzor russkoy istorii* / S. G. Pushkarev. – Stavropol': Kavkazskiy kray, 1993. – 416 s.
22. Salmin A. M. *Iznanka vneshney politiki* / A. M. Salmin // *Rossiyskaya politiya na rubezhe vekov (izbrannyye stat'i). K desyatiletiyu fonda «Rossiyskiy obshchestvenno-politicheskiy tsentr»* / *Glav.red., Predsed. Soveta A. M. Salmin*. – M.: Letniy sad, 2001. – S. 102–210.
23. Skrynnikov R. *Boris Godunov* / R. Skrynnikov. – M.: AST, 2003. – 416 s.
24. *Khosking Dzh. Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* / Dzh. Khosking; Per. s angl. – Smolensk: Rusich, 2001. – 512 s.
25. Churbanov V. *Narodnoye predstavitel'stvo v Rossii: tysyacha let i 72 dnya. K 100-letiyu Pervoy Gosudarstvennoy dumy* / V. Churbanov // *Rossiyskaya Federatsiya segodnya*. – 2005. – № 22. – S.47–53.
26. Shmidt S. O. *Rossiyskoye gosudarstvo v seredine XVI stoletiya. Tsarskiy arkhiv i litsevyye letopisi vremeni Ivana Groznogo* / S. O. Shmidt. – M.: Nauka, 1984. – 277 s.